

Ладыженева Мария Игоревна, город Москва,
регистрационный № 3104, 11 класс, музей № 1525
"Воробьевы горы"
А

ТЕТРАДЬ

для _____

ученик _____ класса _____

школы _____

51829

•

Анализ прозаического текста.

Семинар Кримитановской "Рисунок перво!"

Рассказ Синицына Кримитановского, который скорее можно отнести к макру престиги из-за довольно-таки обобщенных образов героя и его профессии, был написан в 1934 году.

?

Очень!

Сложно!
Быстро-
быстро..

Синицын Кримитановской "Выступление замечательного кинорежиссера" и начал статьи о Чехове, Тушикове, Гехке, поэтому данного текста вполне можно представить как автобиографический, также как текст с германской автобиографией (все-таки никак нельзя отнести Кримитановского к таким мастерам, как Достоев или Самохинский). Время в самом произведении говорится чрезвычайно мало, ведь все события происходят в один день (даже упоминаются более-менее в 12 часов), поэтому, я считаю, что можно предположить, что данной текст повествует о таинстве времени, в которое он был написан, то есть о тиражатых годах

+

діяланого века. Ітак, приступаючи до аналізу

На першій будинку, теже кометає довоєнно
проектом: Давно, після більше собрати матеріал
по позоду того, що вдалося укладти відмінно
у Кущинському альбомі, від Радянської, і написати
статью о рисунках А. С. Кущинського. Однак у за-
установки нечастивої (можливо проявлені певного
заносити в фантацію, в чесноті, письменництві
їх) літературолог "успіхи в креслі; сучасні приспівки
небольшості сон, що відомий тим, що він після пробудження
відомий в "фантастическій" розповіді? [Но тає
причиниство може помітити теже лише
очевідні письменництві і художній чистоті. Головен,
більше уваженій літературолог (наука єго
"любовітній чистотів"), розумієте, заинтересоване
цікогоденниками джинсами детальності в тежеме
і попробуети розшифрувати, щоби помітити цікаві-
ність сюжета цього короткого, но ємкого працеде-
рства. Всі ж не просто же о сіній Давиді писати
С. Кропівський...]

Ітак, фільм належить, і стаття, єдина обрана
внешнє не замінне працеденство: "Рисунок перед?"
У любовітніх чистотах, якою він спроекто-

уточнені
до Ганни

один из первых, каверзных воинов ассоциируется, например, с великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, то «рисунок героя» на наших рукописях восхищает многих и по сей день. Следовательно, можно предположить, что текст каким-то образом будет связан с А.С. Пушкиным. Дававшее подобное предположение читатели не обосновали в своих описаниях: в первой же строке рассказа письменная отсылка ко всему с детства знакомому поэту Александру Сергеевичу Пушкину (переводопытчики читатели) предстают один из центральных героев произведения — «директор Казанского кадетского батальона»). Титул и акцентируют текст, переводопытчики читатели пишут замечание, что образ «героя» и «ростерка» становятся одними из центральных («кардинальных»). Так, Дасев, который, начиная писать статью о «Морской Всаднице», уже вторую неделю писал, герман», а его «геро» «вспоминал по строке! Конечно, скорее всего, «пушкинскую» писал обычной рукой (хотя позже у него на столе будут окажутся и «чертежники», предполагающие коечные если не циничного, то хотя бы стилистического героя), но вспоминая Крымско-Кавказскую, употребивши при описании «о работе» слова «герман» и «геро».

Очень
Больше

как бы сопоставляет Доневу с А. С. Пушкинским

Тут же это сопоставление становится еще
проще, но крайней мере, для любопытного
читателя, когда перед Доневым появляется один
из германских рисунков А. С. Пушкинса, который, в
отличие от мертвенно-капуцинеристских работ
«пушкиноведа», описывает (имеется в виду, конечно, что
описывает рисунок).

Интересно, должна поклоняться любопытному
читателю и том факт, что уже ~~в~~ неподобающе
то «сне» поэт Самоцейский подает «Венеции первом»
(было употреблено слово «перво» вместо «первый»), виноват
свои дают в воздух, как это делает некий «Черный»
герой (о возможности поговорки лучше помните), однако,
у Самоцейского ничего не выходит. Его «перво» беспомощ-
но по сравнению с первым венецианским поэтом, кстати,
несомненно, является «Черный» герой. Во сне, правда,
перво у «Черного» героя превратилось в холст, что,
как и статуя, является шедевром пушкинских
сиротек из сплошного «бронзы», где поэта
приговаривают «заявить тещу Сергея Мороза»; ведь
удары хлыста сильно обнажают «бумажники борзух»,
оставив на них свою - рубаху.

И даже в конце рассказа появляется образ „перы“:

Долев „бросил белоснежный блокнот на рисунок коня без
бодяника, спасающейся крепкими листами, и на не
прекупную пером стопку чистейшей бумаги“. Именно
„пером на чистейшей бумаге“ создал свой „драматиче-
ческий рассказ“ Долев, словно наконец-то сущев, поэтич
еским „пером поэта“, бросив пером на „бумажной волчухе“
свои слова.

Таким образом, можно сказать, что в данном
тексте наблюдается ператекстуальность, о которой
писал И. Мелетин в своей работе „Темы пристанов
и интертекста“.

Карина
Фриз

Теперь же любопытному читателю стоит
было вернуться к началу текста и обратить внимание
на героя этого произведения.

Первый, кто преобразует перед читателем, — это,
как уже говорилось ранее, „директор Пушкинского
кабинета“ Долев*. Занимавшийся любопытного
читателя может дать такое, как фраза: „Что же она
снагает?“ И основное предположение, что фраза из
„Долев“ произошла от слова „доли“, значение
которого можно расширять по-разному. Во-

первых, это помогает отыскать "горькую долю"
"пушкиноведа", вынужденного писать статью о
"Лесной Фасадике" и рисунках поэта, а также
собирать материал и спорить о том, что же
написал А. С. Пушкин в образе "воин Ржевитона"; бакалавриат
находится. Во-вторых, можно предположить, что
различия "Донев" раскрывают читателю
истинную сущность работ "директора Пушкин-
ского кабинета": она сильно напоминает. В ней
есть только "доли" от самого творца (иначе
рукописной текст, а лучше в нем нет, потому
статья Донева вынуждена такими абсурдными и
калическими быть в них "прекрасна", душевной
творческой силой поэзии А. С. Пушкина написано
капуцинерами, будущими урожаями: "учитывая
штиглицерское и штиглицерийское влияние",
"горькость воссиявших образов"). Вторую
версию расшифровки различия "Донев" подтверждаем
и тем факт, что в анализе поэтического
образа "воин Ржевитона" из стихотворения Пушкина
использовалась такой буднично-реалистический
подход: реалист "Кредитор" с доводами о том, что
тут в "деревенской банке сидят Михайловские не

моче „блистать“, ~~так~~ поскольку в ней не было
электрического освещения” и что с „поверхностью
юут в кабине у села“. Возникает ряд проблем,
требующих тщательной документации и анализа
материалов?

Интересно любопытному читателю может
показаться и то, что при описании начала работы
Долев на странице несколько раз употреблено
слово „свой“, что, на мой взгляд, характеризует героя
как человека, очень дорожащего своей должностной
властью: „~~так~~ Долев услыхал внизу звук за jakiшись-
вающего замка и вбежал к себе в свой директорский
кабинет. Наконец-то можно встать за свою работу.“

Навигай по тексту за кропотливой
работой Долева в его кабинете, любопытной
статьи может заинтересовать, что „музкиновъ“
очень старается создать у себя ощущение южнокре-
мль. Всё, когда звонят телефоны, Долев предстает
написаны, как, наверняка, поступили бы Ч.А.С. Нужкин
(если бы в начале XIX века был телефон), посредником в
своей „рязанской с музами“. Одного слова, которое Долев
очень сильно пытается дописать, не отвлекаясь
на телефон, выдаёт истинное устройство героя.

ни о каких вложившись и речи не идет! Его другое
чрезвычайно скромное, капитанское ч. мичманство
и только познаваемости („такими образом, если
принять во внимание, что...“). Тщеславие „выводит“
Долева из краешки бессмыслицы. Долев
смыслил звонок с первого раза, что бывает ли
бы случилось с уничтожением твергеством Куликовки,
но все же проходитает мысль, сколько делал вчера
что он очень увлекся работой.

Когда же Долев все-таки „погодит и
пробудит“, он ведет довольно спокойный разговор.
Однако исполнитель гитариста бы первая подумал,
что Долеву были предложены очередные работы,
которую он без зазора начнет („Но, конечно, с
другой стороны, я понимаю“) берет. „В чем же это
говорят?“ — искренне задается вопросом любящий
разбиратель текстов гитарист. И вновь основное
предположение, что ^{так легко, сколько} Долев берет за новую работу
(стомягко думает), что после разговора по телефону
он сразу пошел за паккой с рисунками,
даже не сумев закончить прерванное звонком
предложение), искренне боится расшифрована
дущих спорований. Во-первых, Долев предстает

как человек, работающий не ради собственного удовольствия, которое истиинной литературой неизвестен, разбирая текст, и которое же обеспечивает хорошее качество работы, а ради качества труда страст отмечает, что за дополнительного научного статьи обычно вынуждались пресечь, что называют охарактеризовать Досева как профессионального человека.
?

Во-вторых, эту легкость можно рассматривать как полониательско характеризующую Досева герму: он любит „рисунки поэта“, значит его дух не окончательно „заручена капуцинерами воздухом“ его работам. Чем смиреннее же Досев не является, как личим времени, пока рассматривает „эти небранные, приставшие к краю рукописных листов гениальное рисунки, блуждающие геря?“. Гости же спешно прошли сюда, потому что Досев все еще судил над истинами своих любящих папок! Конечно, эту герму именного портного капуцинерской консервации расписане („рисунок № 411“), но ведь дело было в музее, где у каждой вещи должен быть свой консерв.

Интересные и необычные моменты показывают читателю и то, что мужчиныские

рисунки напоминают чистые реалистичные изображения. Несколько изображений, а именно — изображение престола перед читателем, поэт Бакшеевский, «встречавший „горестное изумление“ по поводу того, что в „авбоне шудай“ не оказались его стихотворения, настолько письмы и изображения престолом „сущинами библии бурища“ и „веселой росперки“, превращающиеся в „птицу“. [На мой взгляд, это превосходство изображения совершенности работ Достоевского (также сделанной перед их бурлаками), „веселые росперки“ А. С. Пушкина подражают С. Кропоткинскому] продолжает ранее начатое сопоставление совершенства этих советской писательской работ (литературно-художественной и не только) и прекрасного и легкого интереса поэзии читателей прошлого (представителей которых здесь становится великий русский поэт А. С. Пушкин).]

Это сопоставление продолжается и дальше, когда Достоевский попадает в иную реальность, становясь если не изображением Владимира с рисунками Пушкина, то его подобием.

Вспоминается, как "беку" его "были спрятаны тщательно, как сквозь дыны на зрачки"; а "руки гибущих пернатых броски в подлокотники кресла" (постановочное упоминание птицами вызывает ассоциации с "Медвежьим Всадником", который со своим постанием тоже может только одно: наблюдать!).

Развертывающаяся далее перед Доневским картина словно показывает, какой же должна быть истинная любовь (исходит в конечном итоге из перегородки, но и возможностями любви интересует перегородки работы). Тибурскоево - это несет любовь, несет фантазии (неслучайно Донев вспоминает "Ипподром" - широколинейной источник, забывший от удара коня кому лежал и символизировавший источник вдохновения). Однако, два других героя рассказа, поэт Сандрийский (как различная может ощущать, что он сам себе соffан, сам называет себя поэтом, а значит, мастером не является) и профессор Родченовский (как различные болгары гибущими напоминают призывающие первов поэзии, которых не может вспомнить, как Леся), да и сам Донев - даются он

творчества. Работы Далья и то, как он к ней готовится, скорее напоминают строчки из стихотворения Д. Самохина 1, Даёй быстродвижное стихотворение! Даёй выиграйте его!'), где лягушка полет из Негасе. Примечательно, что Самохинский и Гроценовский, пантерские образы попавшие в рисунок Нижникова / в языке контексте, кся инойぶり, умевшись употребляться креативно (в+), не могут даже подобрать к Негасе, не то что вспомнить с ними: «Креатив вспомнил вверх и помесил рукичи на землю; поэт, пахнувший румянецкими удар хвоста заснул...», отвечая злоко ~~над~~ над?

*Самохинский
нагадывает*

Интересные замечания не панех
могут стать наблюдением, что звучит в
этот отрывок про посещение (изучение) быстродвижного
цифра гипноза, символизирующая либо
гипнотические волны, либо самое
распространенной разновидности в русской поэзии —
гипнотический вид. (без «контакта» Негаса
могут символизировать столы в стихотворении).

Сопоставление литературного творчества
двух эпох предполагается и при поиске

глух петаканчев: „белого“ и „черного“. Различается
группированием тематики: белая тема подается, что
„черный“ герой — это сам Кукшес, а
„белый“ — это Овдук (Башкирка, к Овдуку).
Можно или, исключая поэтам подчиняясь
привычной логике Песк, или самому
завершив сюжет лучше, как бы начиня это
не звучело, Донева, Самсейской, Гриценовской и
Кукшес, вспоминающую в себе героя испанского,
великого поэта.

Но Гриценовский, или Самсейской не
смогут нахватать ее „бумажного воздуха“ своих
сил. Но ведь Донев написал фантастический
рассказ? — скажут восхищенные читатели.
Да, отвергните, но разве ради этого они выбрали
Кукшес и Овдук? Конечно, это не
скажут жители ~~Загара~~ Загара они ему
выбирают, но бригада пишет другого
фантастического рассказа, на которой
„уванчайшия переклади изображающие
попытие погибели? И означает, что это
был основной знак, указывающий на то, что
советская литература, написанная под

пруда и
матрасом

дикт, мертвение, а антический
переход к пониманию творчества
писателей прошлого членов. ~~Но~~ Это
самое главное смысловое значение писания
Санкт-Петербургской группы даны писания
стихотворений Кузьмы и "величайшего"
слушавшими членов "поэта, открывшего"
Ноги. А вот каково самое значение писаний?
Для писавшего поэта не важно
какое видное-тио его настроение во
время творчества, это несет зрителю. ~~но~~
разве может быть что до этого
пока зрителя не подает ~~то~~...

$K_1 - 18$
 $K_2 - 8$
 $K_3 - 7$
 $K_4 - 7$
 $K_5 - 3$
Итого - 43

В работе этого обсуждения
было соблюдено правило, что

Советование уходом в общие
распорядки, эмоции, допускают
лические патологические, не
все это обоснованное. В
сомнении есть этическое
регулирование, патологическое, первое
исследование.

Им

М. В. Барбаков

Оле

/А. Е. Чистяковская/